

Новое язычество

Кто такой язычник? Тот, кого ведет язык. Язык ведет и одновременно уводит, сбивает с пути. Почему сбивает? Потому что в структуре самого пути есть что-то от языка и что-то безъязыкое. И трудно одно отличить от другого. Для того чтобы их отличить, нужна наука. Но наука — тоже язык, только новый. В нем внешний наблюдатель отличает себя от внутреннего. Новые язычники рождаются около науки.

Симптомы появления новых язычников рассыпаны по разным местам. Цель статьи — собрать их в одно смысловое целое.

1

На Красной площади стоит мавзолей. Это символ нового язычества. Он обращен к затылочному сознанию тех, кто утратил чувство принадлежности к христианской Европе и теперь язычествует в повседневности своего быта. Многие из нас не могут удержаться от искушения: в безумии языческого восторга мы вслушиваемся в ритм крови, пульсирующей в наших жилах. Сладость языческого преклонения перед природой, безумие крови и пола уничтожают доводы рассудка.

«... Новая Европа уже давно стонет под напором язычества; ее скрепы трещат, и вот-вот рухнет многоэтажное здание, и ведь неизвестно, что с нами станет дальше!». Здание рухнуло. На его обломках философствуют новые язычники. Интеллектуальным достижением нового язычества стал «русский космизм». Новоязыческий поворот в осознании истории связан с евразийской идеей. Религиозно-мистическое переживание новых язычников завершилось «Розой мира» Даниила Андреева. (Черновой вариант книги в основном был написан автором в тюремной камере (конец 40-х — 50-е годы). В 1959 году Андреев умер, а его книга лишь недавно² стала достоянием широкого читателя.)

Для того чтобы понять отличие новых язычников от старых, достаточно вспомнить «языческого» В. Розанова и некоторых других православных философов. Уже Вл. Соловьев отмечал что-то древнеязыческое в воззрениях К. Леонтьева. Для последнего бытие — неравенство. Бытие бытийствует красотой. Равенство некрасиво. Добро уродливо. Эстетически зло выше добра.

Сила язычества видна в А. Скрябине. Но с него новоязыческое

---

¹ Лосев А. Ф. *Страсть к диалектике*. М., 1990, с. 292.

² Андреев Д. *Роза мира*. М., 1991.

движение еще только начиналось. По своему существу воззрение Скрябина «представляет смесь языческого космоизма с христианским историзмом»³.

Языческое сознание накладывает запрет на описание мира в терминах движения. Важны не формы движения мира, а формы его вожделения. Вожделение — то, что вяжет и связывает. Но связывает через низ, а не через верх. И если все-таки верх есть, то он связан низом и эта связь есть жизнь. Ведь вожделеет то, что еще живо.

Вот Бога связать нельзя. Он абсолютно свободен, и сколько бы мы его ни приручали, он *там* не связан нашими действиями *здесь*, даже если они ему угодны.

Безумие, экстаз и эрос — формы вожделеющего мира. Сходить с ума естественно. Неестественно быть в своем уме. В мистериальном мире очевидно не «я мыслю», а «я хочу». Непосредственная достоверность хотения позволяет нам двигаться от «печки», а не от самоочевидностей сознания. Вожделение — это растворение «я» в «хочу», а не в бытии или нирване. Вожделение переживается, а не описывается, ибо внутри него нет сознания, с точки зрения которого оно могло бы быть описано. Внешний наблюдатель познает представления. Вожделеющий познает переживания, т. е. *знает переживанием жизни*, в которой мысли еще не было, а хотение уже было. «Мир,— пишет Скрябин,— есть результат... моего хотения»⁴. Иными словами, в мире есть то, что держится не заботой о мире, а вожделеющим влечением к нему. Вернее, сам он, мир, из этого влечения рождается. И этот мир не описывается в терминах существования или сущности. Они к нему не приложимы. Вожделеющее вообще не существует в обычном смысле, оно вне пространства и времени.

Пережитое вожделение, изжитое влечение упаковываются не в теорию, а в повествование, в повседневность быта. Например, в быт Скрябина, который, боясь заразы, всегда носил перчатки и никогда не брал денег без перчаток. Бактерии, которых опасался напомаженный Скрябин, его все-таки поймали. Скрябин умер от холеры. Но пока жил, он создавал реальность «воздухом, лаской, гневом, надеждой, сомнением»⁵. Что это за реальность?

Языческая реальность не знает Бога вне мира. В ней эволюция первенствует над творением. Первобытие язычника растворяет личность в космической эволюции. Зло обожествляется вместе с обожествлением жизни.

Скрябин — язычник. Андреев — новый язычник. Прислушаемся к шагам нового язычества.

2

«Я не знаю, где и когда умру на этот раз, но знаю, где и когда умирал я в последний раз перед тем, как родиться в 1906 году для жизни в России»⁶.

Я не знаю, как Андреев может знать то, что мы не можем знать, но понимаю, что есть вещи, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть — ни доказать то, что их нет, ни опровергнуть то, что они есть. Единственное, о чем можно утверждать с некоторой долей уверенности, так это о нехристианском происхождении идеи многорожденного человека.

Но «нехристь» — это совсем не «антихрист», а указание на то, что

³ Лосев А. Ф. Указ. соч., с. 294.

⁴ Цит. по: Лосев А. Ф. Указ. соч., с. 260.

⁵ Там же, с. 292.

⁶ Андреев Д. Указ. соч., с. 55.

происходит на границах христианского миропонимания. Во-первых, эти границы соотнесены с относительным, а не с абсолютным. Во-вторых, определенность относительного побивается опять-таки относительным в бесконечном тупике прогресса. Теперь христиане должны смириться с мыслью об ограниченности своего духовного горизонта. И одновременно насторожиться, чтобы ничто не проникло в души без их на то согласия. Но сторож, которого выставило христианство, видимо, уснул. Пока он спал, происходили чудеса перевоплощения. Например, с Андреевым. Безязыкое новое язычество заговорило в нем голосом христианина. Бога потеснила природа.

В предпоследний раз Андреев умер в индуистской Индии, чтобы затем родиться и умереть в православной России. Где он сейчас, никто не знает: то ли в одном из миров возмездия, то ли в светлых стихиях. Вполне возможно, что в следующем рождении он уже будет бродить по Иудее, а может случиться и так, что станет безбожником.

Если мы вечны и «смерть не враг, а добрый вожатый», то что означает «смертью смерть поправ», для чего страдали мученики, а кинизирующий христианин Н. Федоров бросал вызов смерти? Ведь не для того же Моисей всходил на Синай, апостолы проповедовали, а Россия жила в ожидании страшного суда, чтобы правый и неправый совместно благодумствовали в трансфизических мирах цивилизации. Под знаком этих вопрошаний, идущих от Леонтьева, выстраивалось и мое понимание книги Андреева.

3

Не заметить «Розу мира» нельзя. Ее сразу же и заметили, особенно «прогрессивная» интеллигенция, для которой мир никогда не исчерпывался его видимой стороной. Что же взволновало нашу интеллектуальную элиту? Не художественные же достоинства книги. Даниил Андреев прекрасный поэт, он знает цену слова:

«Разве душу не Ты опалил
Жгучим ветром страны полуденной,
Мое сердце не Ты ль закалил,
На дороге, никем не пройденной?
Да, одно лишь сокровище есть
У поэта и у человека:
Белой шпагой скрестить свою честь
С черным дулом бесчестного века».

Но «Роза мира» — за исключением немногих мест — уныло однообразна. Чтение книги превращается в испытание на выносливость. Кто его выдержал и добрался до конца, тот понял, что антропософия переживает *линнеевский* период своего развития. «Роза мира» все расставила по полочкам, пронумеровала, дала названия, где нужно, объединила в классы и что нужно, разделила на группы. Вполне возможно, что Андреев стал «Линнеем теософии». И это привлекает к нему внимание, хотя «Роза мира» повторяет многое из того, что можно прочесть у Б. Блаватской или у Р. Штейнера, в книгах Я. Беме или А. Данте, не говоря уже об эзотерической литературе вольных каменщиков.

Что же нужно сделать для того, чтобы часто встречаемое виделось как бы впервые, чтобы в старом узнавалось новое? Нужно перемениться, стать иным, как стал иным Данте перед спуском в ад. Мы тоже переменились, но не так, как он,—Бог закрылся от нас, и эта наша *инаковость* прорступила в книге Андреева. Его тексты — это письмена

нашей души. О чем же мы узнали, заглядывая в эти письма? О том, что душа у нас уже не христианка. Она антропософка. Ее видениями был переполнен Андреев. Нам, повзрослевшим в эпоху всеобщего инфантилизма, почему-то не повезло. Если раньше были люди, к которым приходил Бог, и они с ним говорили, то к нам прилетают какие-то «летающие тарелки», с которыми и поговорить-то нельзя. Бог покинул нас. Да никто и не стремится к нему. Человек потерял интерес даже к себе самому. И вот на этом нерадостном фоне появляется человек с радостным известием о голубых лепестках розы. Нет причин для его веры в свет будущего, но он верит. Бескорыстие и любовь к человеку, проповедуемые «Розой мира» в век корысти и нелюбви, уже сами по себе ценность.

Но Андреев — утопист, а утопическое мышление двусмысленно. Иногда кажется, что рукой Андреева водил Кампанелла, а иногда — Н. Чернышевский. Вся 12-ая книга «Возможности» (с добавлением «Князя тьмы» и «Смены эпох») напоминает сны Веры Павловны. Кто будет возражать против человека «облагороженного образа»? Никто. Но ведь есть люди и есть схемы людей. Образ облагороженного человека — слишком упрощенная схема, чтобы его можно было принять. Сам Андреев говорит о том, что человек — яблоко раздора добрых и злых сил. Действительно, никакое ежевечернее чтение священных книг не избавит нас от этого раздора. Поэтому описание Андреевым того, как полиция превращается в «службу общественных удобств», наказание — в «функцию исправления преступника», земля — в сад, государство — в братство⁷, напоминает знаменитый роман Дж. Оруэлла «1984».

Пророчество Андреева касается всех деталей жизнеустройства: от организации школ-интернатов до планировки верграда (города веры) и культа Приснодевы-Матери, не знающего мужского духовенства. Христианство терпело брак и деторождение поневоле, считая иночество высшим состоянием человека. По Андрееву, Христос мог бы жениться и родить человека, но не успел. Его распяли. «... Незавершенность миссии Христа» отразилась «в ущербности средневекового христианства и ... из психологического климата, возникшего на Западе вследствие этой ущербности церкви, возникло антидвижение: Ренессанс, Реформация, Революция, безрелигиозная наука и демоноизирующая техника — стремительный полет Красного всадника Апокалипсиса»⁸.

В «Розе мира» предлагается брачные обеты налагать на несколько лет, по истечении которых брак может быть продлен, а может быть и прекращен, если нет на то благословения Матери-Земли. Вечный брак заключать нужно перед смертью. Лучшие страницы «Розы мира» посвящены культу природы.

Иудаизм и христианство равнодушны к природе. «Семитическое чувство природы вообще отличается скудостью. Как и другие элементы семитизма, эта тенденция перешла с христианством в Европу, подавила природные культы германского и славянского язычества и господствовала до конца средних веков»⁹.

Русский крестьянин жил в средневековье до конца XIX века. Но он оставался и язычником. Его язычество было, по словам Г. Федотова, менее всего «солнечным». «Небо или небесные своды редко упоминаются русским славянином с теплотой, благоговением и романтическим стра-

⁷ Там же, с. 248.

⁸ Там же, с. 202.

⁹ Там же, с. 37.

ственным желанием. На земле сосредоточивал он всю свою религию, он посвящал себя природным силам»¹⁰.

К Матери-Земле, которая осталась сутью русской религии, сходятся наиболее сокрытые и глубокие религиозные чувства крестьянина. Эти чувства ожили и в душе Андреева. Но ожили они в момент, когда ослабла сила христианской аскетики, когда в традиционном «двоеверии» вторая вера выступила на первый план.

Язычество хранилось крестьянином. Но его раздавила машинная цивилизация. Оживление язычества — не возврат к крестьянским верованиям, это новое язычество человека, выросшего в бетонных мешках городов.

«Роза мира» обращена к новым язычникам. Вернее, «Роза мира» — сознание новых язычников, выставленное на всеобщее обозрение со всем эклектизмом его перекрестков веры. Новый язычник, человек XXI века, так же далек от крестьянина с его «двоеверием», как «времена пудренных париков» далеки от нудистских пляжей.

Новое язычество узнается по туризму и спорту. Его можно заметить в современном стиле одежды, увидеть на любом пляже. «Тот самый пляж, который во времена Ронсара или Ватто показался бы непристойной выходкой сумасшедших, а в средние века был бы приравнен к шабашам ведьм на Лысой горе и, пожалуй, к черной мессе. Если вообразить Торквемаду, внезапно перенесенного в качестве зрителя на пляж... вряд ли можно усомниться в том, что мысль о немедленном аутодафе тысяч этих бесстыдных еретиков сразу же возникла бы в голове этого охранителя душ человеческих»¹¹.

Новое язычество верит в магию, колдунов, переселение душ. *Каждый новый язычник полухристианин, полубуддист, отчасти иудей, немного мусульманин. В новом язычестве хранятся осколки былых вер и суеверий.* По-настоящему никто из новых людей ни во что не верит. Великий инквизитор Торквемадо должен бы перевернуться в фобу, узнав о том, что христиане объединяют культ природы с верой в имманентное Единое.

Понятие «многослойность Вселенной» лежит в основе концепции «Розы мира», т. е. в основе нового язычества. Наука обобрала мир до бессмысленной пустоты. Новое язычество населяет его заново, сделал ставку на понижение человека и культуры.

4

Теперь даже как-то и неприлично вспоминать о былом европоцентризме. Центр сместился из Европы к Востоку. Вернее, он сейчас везде, т. е. провинциализм стал всеобщим. И поэтому никто из нас не может сказать, где верх, а где низ, что есть дух, а что есть материя, кто варвар, а кто человек. Ничто не имеет преимуществ. Сегодня глупость не хуже ума, а философия Ивана-дурачка еще только входит в моду.

Иными словами, обвалилась стена, отделявшая абсолютное от относительного, а не только дух от материи. И этот обвал, как сейсмограф, зарегистрировал Андреев. Нет абсолютной истины, но и «совершенно ложных учений нет и не может быть»¹². Что же есть? Существует серая (относительная) смесь из истины и лжи. Что есть ложь? То, что растлевает души. А что растлевает души? То, на что укажет этическая инстанция.

¹⁰ Fedotov G. P. The russian religions mind. N. Y., 1960, p. 12.

¹¹ Андреев Д. Указ. соч., с. 38.

¹² Там же, с. 23.

В свое время за растление душ был приговорен к смерти Сократ. Все относительно, но смерть абсолютна. Правда, слова об абсолюте розенкрейцеровская Роза еще сохраняет, но абсолюта уже нет. И, следовательно, нет условий для того, чтобы происходило нечто достоверное. Знание достоверно, если основания его возвышаются над человеком. В ином случае рушится не субъект-объектная дуальность (о падении, которой говорил, в частности, П. Флоренский), рушится граница между абсолютным и относительным, то, что возвышает человека в его устремлениях к Богу. Иными словами, на закате Нового времени началась и ныне продолжается работа на понижение культуры. Мир христианской культуры вырождается. Зарождается новый мир. Какой?

«Мы,— говорится в новом журнале с экзотическим названием «АУМ»,— стоим на пороге новой эры, когда старый мир уходит и на смену идет Новый. Этот период производит впечатление хаоса и общего падения ценностей, которые тысячелетиями питали человечество, но это закономерный исторический процесс. Ценности, которые рушатся на наших глазах, были созданы своей эпохой и предназначались для нее — они не в состоянии вечно руководить эволюцией. Вдумчивый наблюдатель над развалинами старого мира видит новые нарождающиеся идеалы, новый Духовный Свет, озаряющий нашу планету»¹³. «Роза мира» — вестник этой зари. Надвигается новый мир, т. е. мир, в котором все, что ты можешь передать другому, относится к низшему знанию, а все, что ты не можешь передать другому,—к высшему¹⁴.

Чего нет в душе у человека, того нет нигде. Или, что то же самое: мир пуст, если пусть человек. Это понимал аристократ Платон. Но это же понимал и Диоген из Синопа, который был киником, а киники — демократы поступка — это восток, выживший на западе. То есть греки знали, что нужно быть на высоте духа, чтобы в мире было нечто сокровенное. То, что само собой не разумеется и само собой не происходит.

При понижении культуры нет никакой надобности в абсолютном. В ней остается только то, что само собой разумеется и само собой происходит. Только в мире, испытавшем влияние науки, могли приобрести популярность теософия и антропософия. В свое время В. Желиховская заметила, что ее сестра, Блаватская, «могла приобрести влияние на умы человеческие лишь там, где потрясены устои христианства или где они совсем неведомы»¹⁵.

А устои христианства закреплены фактом смерти. Бунт против смерти есть, по словам М. Бердяева, богопротивление. Если убрать смерть из нашей жизни, то от христианства мало что останется. В предположении, что есть только жизнь и нет смерти, мы обесмысливаем муки Христа, и каждый христианин вправе сказать, что с Голгофой его обманули, что ему подсунили видимость трагедии и кажимость воскресения. Вот этот оттенок обесмысливания смыслов содержится в теософическом тезисе о первичности жизни и имманентности Бога.

«Роза мира», как и вообще антропософия, обращена к сознанию, которое перестало себя сознать. Сознание передает свои полномочия бессознательному. Или, что то же самое, существует только одно сознание, но оно не наше, так как оно реально Единое. Антропософское понимание единого всех нас выравнивает. Эта уравнивательность понижает духовный уровень человека. Каждый из нас обречен на совершенство. С нудящей необходимостью антропософы выращивают из нас ангелов без нашего на то согласия. «Судьба человека надежна»,— подтверждает и «АУМ».

¹³ Синтез мистических учений Запада и Востока. «АУМ», 1990, № 1, с. 10.

¹⁴ См. Андреев Д. Указ. соч., с. 25.

¹⁵ Блаватская Е. П. Загадочные племена. Берлин, 1912, с. IV.

Вряд ли бы с этим смог согласиться Ф. Достоевский. Мир, которым правит уравнивающая справедливость, очень быстро портится. «Ад в нем нужен не для того, чтобы восторжествовала справедливость и злые получили воздаяние, а для того, чтобы человек не был изнасилован добром и принудительно внедрен в рай»¹⁶.

Глупо,, говорит Андреев, если есть ад и мы вечно страдаем за то, что было временным и скоротечным. Но, я думаю, не менее основательна и мысль о перевоплощении, о какой-то вечной полужизни. Ведь что такое перевоплощение? «Ничего неприемлемого для христианства или ислама в существе этой идеи нет,— пишет Андреев,— кроме, разве, того, что об идее перевоплощений до нас не дошло никаких высказываний основателей христианства и ислама»¹⁷. Между тем эта идея обесценивает самоценность человека. Он (человек) все время относителен, полуистинен, всякое последующее рождение что-то отменяет в нем, что-то удерживает. В момент, когда человек становится совершенным, он перестает быть человеком и становится тенью. Для христиан, человек—не проект, не эскиз, а самоценность, и в этой своей самоценности он абсолютно независим от того, что было с ним до него, и от того, что будет с ним после него.

5

Зло — это не недостаток добра. Зло — сила. Но эта сила не изнасиловала мир, а соблазнила его. Для того чтобы бороться с ним, нужно иметь точку опоры в ином мире, в ином порядке бытия. Так думал Вл. Соловьев. А И. Ильин утверждал, что сила может услышать только силу; но в противлении злу силою может зародиться новое зло.

Андреев материализует зло в том, что он называет тиранией и войной. Тем самым вопрос о зле и добре переводится из владений метафизики в просторы поэтического сознания, которое, с одной стороны, заражено универсализмом, а с другой — боится тирании. Ведь если весь мир объединится в одно культурно-политическое целое, то не дай Бог, чтобы во главе него стал тиран. Ведь из такого мира никуда не убежишь. Это Лукиан из Самосаты мог покинуть одно целое и перебраться в другое целое. Но за множественность целого, за его монадность надо платить признанием права на существование многих народов — наций, которые никак не могли составить одно целое, ибо каждый народ — этак монада, т. е. уже целое.

Универсализм не признает национальной идеи. Это было понято еще во времена римской империи. Когда у одного мирового целого обнаруживается одна голова, тогда и появляются мистический ужас перед космополитизмом, тревога за человечество, «ибо в едином общечеловеческом государстве,— говорит Андреев,— предчувствуется западня, откуда единственный выход будет к абсолютному единовластию, к царству «князя мира сего», к последним катаклизмам истории и к ее катастрофическому перерыву». И далее: «Да и в самом деле, где гарантии, что во главе сверхгосударства не окажется великий честолюбец, и наука послужит ему верой и правдой, как орудие для превращения этого сверхгосударства именно в ту чудовищную машину мучительства и духовного калечения, о которой я говорю? Можно ли сомневаться, что даже уже и теперь создаются предпосылки для изобретения совершенного контроля за поведением людей и за образом их мышления? Тирания будет тем более абсолютной, что тогда закроется даже последний,

¹⁶ Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж, 1931, с 287.

¹⁷ Андреев Д. Указ. соч., с. 25.

трагический путь избавления: сокрушение тирании извне в итоге военного поражения; воевать будет не с кем, подчинены будут все. И всемирное единство, мечтавшееся стольким поколениям, потребовавшее стольких жертв, обернется своей демонической стороной: своей безысходностью в том случае, если руководство этим единством возьмут ставленники темных сил»¹⁸.

Что же заставило Андреева несмотря на замятинское «Мы», на оруэловский «Новояз» все же выбрать универсализм?

А. Андреев называет себя интернационалистом. «Тезис интернационализма — это грандиозная сила, и в основе ее лежит абсолютная правда»¹⁹. Его интернационализм окрашивает «Розу мира» в цвета космополитизма с диковинным тоталитарно-демократическим оттенком.

Первым космополитом был Диоген из Синопа, или, как его назвал Платон, спрятивший Сократ. Диоген не был полноценным гражданином Афин, и поэтому он стал называть себя гражданином Вселенной. «Стремлением ко всемирному» славен и XX век. «На что указывает это знание времени? Не на то ли, что всемирность, перестав быть абстрактной идеей, сделалась всеобщей потребностью? Не на то ли, что мир стал неделим и тесен, как никогда? Не на то ли, наконец, что решение всех насущных проблем может быть коренным и прочным лишь при условии всемирных масштабов этого решения»²⁰.

Иными словами, Андреев предполагает, что национальная идея узка и ограничена, а интернациональная идея универсальна, она преодолевает ограниченность первой.

Но универсализм возникает вместе с ужасом перед грядущим объединением мира. Как преодолеть этот ужас? «...Признанием насущной необходимости одного-единственного пути: установления над всемирной федерацией государств некоей незапятнанной, неподкупной, высокоавторитетной инстанции, инстанции этической, внегосударственной и надгосударственной, ибо природа государства внеэтична по своему существу»²¹.

Кажется, что не один из лепестков «Розы мира» завял после слов об этической инстанции. Люди — не боги и нет такой привилегированной точки, попадая в которую человек становился бы поверенным истины. Кто будет определять состав неподкупных? Да разве неподкупные уже не были у власти? Андреев вновь вводит деление на чистых и нечистых, на запятнанных и незапятнанных. В России уже была утопия у власти, над государством уже стояли идейно чистые люди и теперь сама идея какой-то новой этической инстанции вызывает естественное ее неприятие. «Чистые люди» слишком жестоки, что давно уже понял В. Розанов. Наконец-то это понимание стало и нашим достоянием. Вряд ли нужно сегодня доказывать неприемлемость предложения жить под присмотром внесудебной инстанции этического контроля. Тем более, что, как замечает Андреев, насилие будет признано годным «Розой мира», правда, в крайних случаях и в мягкой форме. Но без него не обойтись. Во всяком случае до тех пор, пока этическая инстанция не воспитает миллионы «высокоидейных умов и волей», которые добровольно будут делать то, что мы еще делаем по принуждению. Бараны, сами себя загоняющие в загон,— мечта всякого пастуха, а высокая идейность достигается размножением в головах примитивных схем понимания.

¹⁸ Там же, с. 9.

¹⁹ Там же, с. 24.

²⁰ Там же, с. 9.

²¹ Там же, с. 10.

Если в этом заключен смысл воспитания человека «облагороженного образа», то нас таким просвещением уже не соблазнить.

Не удивительно ли, что Андреев при всем своем неприятии коммунистического новояза говорит и мыслит на этом языке. Например, раньше были цензоры, но при новой организации мира будет существовать «Всемирный художественный союз», некое всевидящее око²². То есть новый цензор.

Есть какая-то неизбывная сила в мании создавать что-то новое из человека, из общества, из государства. Новый человек (человек «облагороженного образа»), новая педагогика, новое всемирное государство-монолит, новая партия — Лига и т. д. Есть культура, а есть творение чудес. Наука — это старое отношение к вещам, чудотворчество — новое. В основе нового отношения к вещам лежит принцип «трансформации собственного существа»²³. Но что можно создать из человека, если он уже человек?

Для того чтобы преодолеть скептическую силу этого кинического вопроса, Андреев формулирует тезис о превращении всех людей в один слой, в интеллигенцию, о расцвете «Розы мира», т. е. интеррелигии. «Это не есть замкнутая религиозная конфессия, истинная или ложная. Это не есть и международное религиозное общество вроде теософического, антропософского или масонского, составленного наподобие букета из отдельных цветов религиозных истин, эклектически сорванных на всевозможных религиозных лугах. Это есть интеррелигия или панрелигия»²⁴.

Ныне существующие религии есть отражения различных сегментов одного и того же планетарного космоса. Интеррелигиозность в метафизическом плане расшифровывается как свидетельство существования единого и несуществования многого. Это несуществующее существует лишь как тень универсума. Мир играет сам с собой. Наши претензии на самостоятельность в этом мире смысла не имеют. Интернациональная религия — это признак, по которому мы узнаем свою усредненность.

Но зато «Роза мира» обещает «преобразование общественного тела человечества»²⁵, т. е. нечто такое, чем мы можем заменить хилиастическую идею коммунизма. В рамках истории завершить историю. Андреев пишет историю завершённой истории, натурализует идею множественности потусторонних миров, которая давно уже вынашивалась антропософами.

Если интернационализм социальный выше нации поставил классы, то интернационализм религиозный на место религий ставит оккультизм «Розы мира».

6

«Все христианские народы,— писал Федотов,— могут считать себя «дважды рожденными»...»²⁶. Вторым рождением устанавливается то, что Б. Вышеславцев называл «человеком с сердцем». «Человек без сердца» — это человек без любви и без религии, безрелигиозность есть в конце концов бессердечность. Неправда, будто существует какая-то безрелигиозная сердечность в форме гуманности, солидарности и т. п. Самые большие преступления были совершены ради такой гуманности, были оправданы декламациями о любви к человечеству, риторикой в духе Руссо и Робеспьера. Прежде всего можно сказать, что у этих людей нет сердца, а следовательно, они потеряли мистическую связь с

²² См. там же, с. 21.

²³ Там же, с. 17.

²⁴ Там же, с. 13.

²⁵ Там же, с. 14.

²⁶ F e d o t o v G. P. The russian religions mind, p. 3.

ближним и с Богом, они потеряли, конечно, и свое настоящее Я, забыли о нем, не одозревают о его существовании»²⁷.

«Потеря мистической связи с ближними и Богом» — примета времени. Андреев болезненно переживает эту утрату. На волне своего переживания он формулирует идею о реабилитации древнего человека, о восстановлении в правах язычества, развившего когда-то технику «сквозящего восприятия». Интуиция «просвета» и «просвечивающихся миров» сближает его с Флоренским и одновременно указывает на закрытость того, что открывается человеку в умозрении. Антропософские увлечения Андреева — это вообще результат *оестествления* некоторых свойств языка. Наш язык — пространственно-временной, и когда мы начинаем говорить о том, что находится вне пространства и времени, язык все же подкладывает под наши рассуждения пространственно-временные характеристики, которые уже вторично воспринимаются как некоторые натуральные сущности. Отсюда, видимо, и представления об иерархии миров, зависимой от количества измерений в пространстве и времени. Так, сон понимается Андреевым не как работа сознания и подсознания, а как путешествие по различным мирам.

Новое язычество изменило границы между дневным и ночным сознанием. Нововременной человек ориентировался на рассудок, староязыческий человек умел слышать и то, что говорило его ночное сознание, т. е. он обладал духовным зрением. Вполне возможно, что жажда власти и жажда крови тайно шевелятся на дне многих душ. Но не они лежат в основе нового язычества, а ...сытость. Новое язычество основано на философии сытых. «...Чем сытее, благополучнее будет... существование, тем мучительнее начнет язвить... людей связанность сексуальных проявлений человека путями морали, религии, традиции, общественных приличий, архаического стыда... жаждать власти будут сотни и тысячи. Жаждать сексуальной свободы будут многомиллионные массы. Освобождение от Добра — вот каково будет настроение многих и многих к концу Золотого Века... Человечество устанет от духовного света. Оно изнеможет от порываний ввысь и ввысь. Ему опостылит добродетель. Оно пресытится мирной социальной свободой — свободой во всем, кроме двух областей: сексуальной области и области насилия над другими... Скука и жажда темных страстей охватят половину человечества в этом спокойном безвластии. И оно затоскует о великом человеке...»²⁸.

Антей, сын Геи, был неуязвим. Чтобы победить, его нужно было оторвать от Матери-Земли. Христианская вера оторвала человека от земли духовно. Новое время отрывает его от земли физически. Старое язычество умирает дважды — сначала духовно, затем физически. Новое язычество рождается у человека, который потерял почву под ногами. В подвешенном состоянии рождается мечта о золотом рае, о царстве свободы, об освобождении от уз труда. Этой мечте отдает дань и Андреев. *Человек, который проходит сквозь стены, не может подпасть под действие экономических законов.* Западный человек согласился находиться в подвешенном состоянии, но при одном условии: ему нужно быть сытым. Восточный человек верен традиции и это еще удерживает его на плаву.

Книга Андреева «Роза мира» — вестник нового язычества. Примут ли эту весть россияне — неизвестно. Но пока что не философия третьего пути прельщает новоязычников в России, а философия сытых.

²⁷ Вышеславцев Б. П. Сердце в христианской и индийской мистике. «Вопросы философии», 1990, № 4, с. 64.

²⁸ Андреев Д. Указ. соч., с. 263.